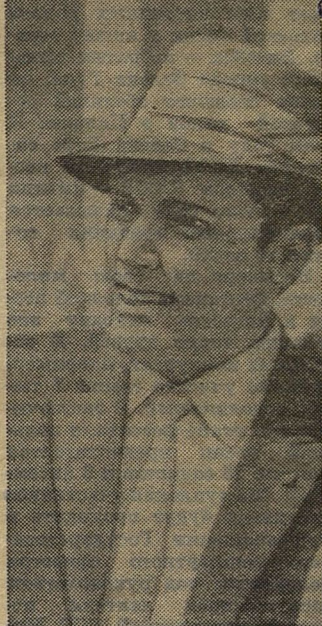

говоря и показывая. Москва - 1990 - 16-22 июля (29)

ВОЛШЕБНИК ОПЕРНОЙ СЦЕНЫ

К 75-летию со дня
рождения
Марио дель МОНАКО

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 ИЮЛЯ,
1 ПРОГРАММА, 13.00;
РО-4—11.00; РО-3—11.00;
РО-2—6.00; РО-1—6.00

Автор передачи о великом итальянском теноре — музыковед
ОЛЕГ ШИШОВ. Мы беседуем с ним.

— Трудно складывалась передача, Олег Федорович?

— Не то слово — мучительно. И то приходилось обходить, и это. А в голове все время предостережение: в стране столько поклонников дель Монако, и вот что-то свое любимое они не услышат и начнут терзать письмами, звонками... Мало, не то, не так...

— У вас сейчас есть повод загодя объясниться со слушателями, в особенности — со слушательницами.

— Объясняюсь, дорогие поклонники: мы не претендуем на всеохватность передачи. Это просто невозможно. Лишь небольшой портрет великого певца, лишь избранные его записи, из чего и могло бы возникнуть, как бы забрезжить то, что мы называем Марио дель Монако и что в каждом сердце имеет свой отзвук.

— У меня, Олег Федорович, есть одна печальная подробность минувших лет: в пятьдесят девятом я не смог попасть на спектакли в Большом с участием дель Монако.

— А я могу похвастаться: мне повезло, я попал сразу на два — на «Кармен» и на «Паяцы». Кажется, что это было не когда-то, тридцать лет тому назад, а вчера. Помню жаркие июньские дни. Очередь в течение месяца, оживленные и робкие разговоры, этаким гулом ожидания, какой-то нервный, болезненный восторг только от того, что ты, возможно, попадешь на это чудо. И вот я на спектакле... Но тут нужен или документально озвученный репортаж, либо особой силы слова. Скажу так: когда он пел, трепетала душа, а в такт ей вибрировали занавески на окнах зала и хрустальные висюльки люстры — таким был звуком, полнокровным, полетным, всепроникающим голос итальянского чудотворца. Дель Монако хотелось сразу понравиться публике. Сразу и навсегда. Это его стиль. И он скинул себя, творил чудеса, по особому, с волшебной изобретательностью выпевал эффектные ноты, играл раскованно, рискованно, страстно, и мы... Мы были сражены его обаянием. И полюбили его навсегда.

— А рядом с ним, помнится, творили чудеса и наши вокалисты?

— Да, конечно, неповторимо, обворожительно, столь же страстно и самозабвенно вела свою трудную роль Ирина Архипова. Какая это была Кармен!.. Помню, как после спектакля в клоушеском, рвущем зало они выходили бесшумно, но количество раз на авансцену. У счастливого Марио на левой щеке сочное сердечко от поцелуя Карменситы, у Ирины сияющие, с гордым блеском победы, глаза, да и не глаза — этаким разлет очей. Словом, праздник, пиршество оперного искусства, чего, к сожалению, отчего-то мало выпадает на долю нашего прославленного театра, особенно сейчас, в пору его творческого перелома. Потом я буду слушать и созерцать многих великих певцов размахом дель Монако — и Доминго, и Бергонци, и Карераса, и Раймонди, и Паваротти, и нашего Атлантова... Они тоже будут потрясать, но по бездонности эмоций, по масштабности возможности голоса, по актерскому темпераменту Марио дель Монако, по моему, все-таки превосходит всех. Тогда, в пятьдесят девятом, у не-

го был поистине шалашинский успех. И это я по мере сил попытаюсь проиллюстрировать в передаче.

— Ведь это время, Олег Федорович, для дель Монако было расцветом, пиковым, самым-самым...

— Да, ему сорок четыре. Мастерство, сила, обаяние, обилие исполнительских идей и, главное, азарт художника, у которого, так сказать, запас прочности бесконечен. Вообще расцвет его творчества пятьдесят пятый — шестьдесят первый годы. В конце шестидесятых он уже в основном выступает только в Италии — в оперных театрах и на концертной эстраде. Последний выход на сцену в 1975-м...

— А что он пел в последний раз?

— Канио, «Паяцы», «Штатс-опера», Вена... Это был триумф прощания, драматический и прекрасный, потому что уходила со сцены красота. Я бы сказал — мужественная красота.

— Этим самым вы хотите подчеркнуть, что начинал дель Монако с лирического тенорового репертуара, а завершал свой путь сугубо драматическим тенором?

— И это тоже. Хотя в вердиевских драматических партиях Марио умел умно внедрить и лирическую интонацию.

— Говорят, что почти все теноры мира так или иначе похожи на Карузо? А Марио?

— Тень великого неаполитанца могуча. Дель Монако даже озвучивал фильм «Молодой Карузо» (вы услышите фрагмент фонограммы в передаче). И все-таки, что и продолжая традиции Карузо и Джильи, дель Монако больше, чем кто-либо из своих коллег посткарузовского периода, был похож на себя.

— Автомобильная катастрофа дель Монако в середине шестидесятых, видимо, сократила его сроки вокальной карьеры?

— Конечно. То, что случилось в шестьдесят четвертом году, даром не прошло. Он долго лежал в клинике «на вытяжке», с подвешенными ногами... Позвоночник, почки... С этой аварией, кстати, связан такой курьез: женщину, с машиной которой столкнулся Марио, звали точно так же, как и его собственную жену, — Рина Филиппини. Прямо-таки мистика. Когда после выхода из больницы репортер спросил у дель Монако: «Сядете ли вы теперь, синьор, за руль?» — Марио, широко улынувшись, ответил: «Сяду, если в моем автопарке появится советская «Волга». Да, «Волги» у нас тогда делали надежные...

— Какие материалы — печатные, так сказать, и звуковые в основе передачи?

— Выдержки из интервью и рецензий, посвященные певцу, его мемуары «Моя жизнь, мои успехи», вышедшие в Италии в год кончины артиста в 1982 году, а у нас — в 1987 году. Ну, и прежде всего музыка: фрагменты опер «Кармен» (с Архиповой), «Трубадур», «Богема», «Аида» (с М. Каллас), «Отелло», «Паяцы», неаполитанские песни...

Беседовал В. ГУСАРОВ